

DOI: 10.17803/2542-2472.2024.29.1.040-045

КАТЕГОРИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Козин Сергей Александрович,
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
kozinsergej31@gmail.com

© Козин С. А., 2024

Аннотация. В работе рассмотрены основные подходы к пониманию сущности категории добросовестности в современном гражданском праве Российской Федерации. Сделан акцент на проблеме отсутствия в современной гражданско-правовой науке единого подхода к пониманию данной категории. Анализируется исторический ход развития и становления добросовестности: свои истоки она берет у категории *bona fides* римского частного права, которая явно имела нравственное значение. Сформулирован вывод о заимствовании такого значения современной категорией добросовестности. Поясняя положения ГК РФ о категории добросовестности, Пленум Верховного Суда применил широкое толкование и определил, что ее ключевой чертой является согласование своих интересов с интересами иных субъектов гражданского оборота. В работе рассмотрены подходы различных ученых к пониманию рассматриваемой категории. Так, по мнению Е. Е. Богдановой, добросовестность является чисто нравственной категорией и может оцениваться лишь с позиции правил морали. Подход Е. А. Суханова, наоборот, рассматривает добросовестность как состояние лица, не осведомленного о фактах, влекущих определенные правовые последствия и называет данную категорию «этически безразличной». Примечательна позиция И. Б. Новицкого, который впервые разделил добросовестность на объективную и субъективную категории. Объективная добросовестность выступает внешним мерилем гражданских правоотношений, в то время как субъективная представляет собой неведение лицом важных для права обстоятельств. Автор формулирует вывод о гибкости категории добросовестности ввиду ее неоднозначного и двойственного характера.

Ключевые слова: принцип добросовестности; добросовестность; недобросовестность; мораль; нравственность; начала гражданского законодательства; гражданское право; цивилистика; юриспруденция; правовое регулирование.

THE CATEGORY OF GOOD FAITH IN MODERN RUSSIAN CIVIL LAW

Sergey A. Kozin,
Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
kozinsergej31@gmail.com

Abstract. The paper considers the main approaches to understanding the essence of the category of good faith in modern civil law of the Russian Federation. The emphasis is placed on the problem of the lack of a unified approach to understanding this category in modern civil law science. The author analyzes the historical course of the development and formation of good faith: it takes its origins from the category of bona fides of Roman private law, which clearly had a moral significance. The conclusion is formulated about the borrowing of such a meaning by the modern category of conscientiousness. Explaining the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the category of good faith, the Plenum of the Supreme Court applied a broad interpretation and determined that its key feature is the coordination of its interests with the interests of other subjects of civil turnover. The paper examines the approaches of various scientists to understanding the category in question. Thus, according to E. E. Bogdanova, conscientiousness is a purely moral category and can be assessed only from the standpoint of the rules of morality. E. A. Sukhanov's approach, on the contrary, considers good faith as the condition of a person who is unaware of facts entailing certain legal consequences and defines this category as «ethically indifferent». The position of I. B. Novitsky, who for the first time divided conscientiousness into objective and subjective categories, is noteworthy. Objective conscientiousness acts as an external measure of civil legal relations, while subjective conscientiousness is a person's ignorance of circumstances important to the law. The author concludes on the flexibility of the category of good faith due to its ambiguous and ambivalent nature.

Keywords: principle of good faith; conscientiousness; dishonesty; morality; morality; principles of civil legislation; civil law; civics; jurisprudence; legal regulation.

Принцип добросовестности играет важную роль в современном отечественном гражданском праве. Так, в п. 3 ст. 1 ГК РФ установлено, что субъекты гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно при установлении, осуществлении, защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. Принцип добросовестности входит в число основных начал гражданского законодательства, но, несмотря на это, сегодня в гражданско-правовой науке отсутствует единый подход к пониманию сущности категории добросовестности. Напротив, научные исследования, посвященные рассматриваемой категории, характеризуются разрозненностью и несогласованностью, что также сказывается и на самом принципе добросовестности. Вышесказанное порождает сложности в контексте восприятия данного принципа и применения его на практике, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на правовое регулирование гражданских правоотношений и формирование правового порядка в обществе¹.

Категория доброй совести берет свои истоки в римском частном праве, где она носила название bona fides². В силу этого анализ состояния категории добросовестности в современном гражданском праве Российской Федерации требует изучения ее исторического хода развития.

Появление bona fides было обусловлено быстрым развитием торгового оборота, что породило необходимость регулирования гражданских правоотношений не только со стороны буквы закона, но и со стороны доброй совести. Соответственно, судьи и преторы получили возможность при рассмотрении споров руководствоваться не только прямыми положениями закона, но и идеями bona fides.

В ходе своего становления институт доброй совести получил дальнейшее развитие и закрепление в работах юристов Древнего Рима. Им удалось комплексно описать механизм функционирования данной категории и полноценно раскрыть ее сущность. Так, Павел считал, что «добросовестность противоположна обману и

¹ Исаев И. А. Непроявленный язык закона // Lex russica (Русский закон). 2006. № 1. С. 7–25.

² Заманов З. В. Bona fides: правовая природа и актуальные вопросы // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 152–172.

умыслу»³. Такая формулировка является крайне широкой и расплывчатой и в полной мере не позволяет установить суть добросовестного поведения, но она дает понять, что bona fides воплощала собой действия, обратные нечестным и несправедливым.

По мнению Ульпиана, «то, что соответствует нравам и обычаям должно иметь место в исках доброй совести»⁴. Похожее можно встретить и в изречениях Папиниана: «Принято считать, что иски доброй совести не допускают предоставление, которое заявлено в нарушение добрых нравов»⁵. В обоих цитатах акцент сделан на соответствии доброй совести нравам, которые, в свою очередь, выражали в римском частном праве правила морали⁶. Соответственно, категория bona fides подразумевала поведение, согласующееся с нормами нравственности.

Проанализировав приведенные высказывания, мы можем заключить, что нравственная составляющая поведения лица являлась основополагающей в категории доброй совести, из чего следует, что ее основной целью являлась оценка действий участников гражданских правоотношений с точки зрения правил морали. Это позволяло уравнивать их возможности в осуществлении прав, а также соблюсти баланс их интересов. Учитывая, что современная категория добросовестности является наследницей bona fides, мы можем сделать вывод о заимствовании ей вышеупомянутой составляющей у своего наследодателя.

Следует подчеркнуть, что в современном отечественном законодательстве не закреплены критерии добросовестного поведения. Пленум Верховного Суда РФ компенсировал это отсутствие, указав, что при оценке добросовестности действий лица стоит основываться на поведении, которое ожидается от каждого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы иных лиц, способствующего им, в том числе в получении необходимых сведений⁷. Следовательно, Пленумом Верховного Суда было применено широкое толкование добросовестного поведения, главной чертой которого является согласование своих интересов с интересами иных участников гражданского оборота, что вполне соответствует ранее рассмотренной сущности bona fides римского частного права, где баланс интересов участников правоотношений достигался посредством норм нравственности.

Как было упомянуто ранее, в современной российской цивилистике отсутствует единый подход к пониманию сущности категории добросовестности. Так, по мнению Е. Е. Богдановой, добросовестность есть чисто нравственная категория. Соответственно, она рассматривается только со стороны морали: поведение лица является добросовестным, если согласуется с нормами нравственности⁸. По сути, такое толкование категории добросовестности служит прямым продолжением bona fides, поскольку полностью передает ее значение. По нашему мнению, в современных условиях такой подход к пониманию сущности добросовестного поведения может вызвать некоторые сложности в практике правоприменения ввиду слишком большого влияния судебного усмотрения при разрешении дела, причиной которого является то, что правила морали не являются императивными и каждым могут быть истолкованы по-разному в зависимости от их восприятия.

С точки зрения Е. А. Суханова, добросовестность означает субъективное состояние лица, которое не знает и не может знать о факте, знание которого с точки зрения закона делает его поведение недобросовестным⁹. В силу этого он считает, что данная

³ Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 3. М. : Статут, 2003. С. 507.

⁴ Дигесты Юстиниана. Т. 4. М. : Статут, 2004. С. 132.

⁵ Дигесты Юстиниана. Т. 4. С. 206.

⁶ Смышляев А. Л. *Ius antiquum* // Древнее право. 2008. № 2 (22). С. 76–95.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

⁸ Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и судебное усмотрение // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 1. С. 14–17.

⁹ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2011. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. С. 401.

категория является «этически безразличной». В ходе рассмотрения данного подхода необходимо упомянуть ст. 302 ГК РФ, в соответствии с которой приобретатель является добросовестным, если не знал и не мог знать, что приобретает имущество у лица, которое не вправе его отчуждать. Соответственно, суд оценивает именно факт знания или незнания приобретателем конкретного обстоятельства, при этом никак не затрагивая мораль и нравственность.

Доказательством правильности подобного понимания является и ст. 234 ГК РФ, в силу которой лицо, не являющееся собственником имущества, но на протяжении определенного срока непрерывно, открыто и добросовестно владеющее им как своим собственным, становится собственником этого имущества. В данном случае владелец может быть признан добросовестным, если не знал и не мог знать об отсутствии у него титула собственности на имущество, находящееся в его владении¹⁰. Так же как и в случае с добросовестным приобретением, данное обстоятельство оценивается без учета норм нравственности.

Приведенные положения ГК РФ ставят под сомнение подход, высказанный Е. Е. Богдановой, так как в соответствии с ними добросовестность поведения лица зависит не от правил морали, а от знания или незнания лицом определенных фактов объективной реальности.

Однако понимание Е. А. Суханова имеет свои недостатки в связи с тем, что представляет собой слишком узкое толкование категории добросовестности. По нашему мнению, она не может являться «этически безразличной» из-за своего прямого происхождения от *bona fides*, явно имевшей нравственное значение. Также такой подход не соответствует широкому толкованию категории добросовестности, высказанному Пленумом Верховного Суда, поскольку в нем акцент сделан на согласовании участниками гражданских правоотношений своих интересов с интересами контрагентов.

Нравственная составляющая принципа добросовестности была отмечена и в Концепции развития гражданского законодательства 2009 г. По мнению ее авторов, введение принципа добросовестности может способствовать «укреплению нравственных начал гражданско-правового регулирования»¹¹. Помня, что категория добросовестности появилась в ГК РФ лишь в 2012 г., стоит подчеркнуть, что в данном случае законодатель явно руководствовался конкретными идеями, высказанными в Концепции. Соответственно, в категорию добросовестности законодателем изначально был заложен элемент нравственности. Помимо прочего, из вышесказанного следует и то, что главной целью и задачей добросовестности стало регулирование гражданско-правовых отношений с позиции нравственности и упрочение их моральной составляющей, соответственно. Именно точное знание цели и задачи какого-либо правового института позволяет судить о его истинной природе¹². Таким образом, основополагающее значение категории добросовестности при ее законодательном закреплении заключалось в ее нравственном аспекте.

Подход Е. Е. Богдановой концентрирует свое внимание лишь на морали как критерии добросовестного поведения, в то время как в ГК РФ содержатся примеры того, когда добросовестность поведения лица оценивается вне зависимости от соблюдения им норм нравственности. В свою очередь, понимание Е. А. Суханова, наоборот, слишком абстрагируется от моральных начал категории добросовестности, хотя именно такое значение изначально закладывалось в нее законодателем. В данном аспекте хотелось бы подметить одну интересную особенность, состоящую в том, что именно 2 ключевые фигуры современной российской цивилистики оказались по

¹⁰ Апелляционное определение Сахалинского областного суда от 26.05.2022 по делу № 33-1249/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=141379&ysclid=lr16ombmq192137853#NbE8B1UEXZ-RITwFW2> (дата обращения: 31.03.2024).

¹¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009. С. 26.

¹² Румянцева В. Г. К вопросу о творческой силе юриспруденции // Российское право онлайн. 2021. № 4. С. 73–76.

разные стороны баррикад в споре о подходах к пониманию категории добросовестности. Данная особенность является весьма символичной и ярко отражает сложность категории добросовестности. Кроме того, такое расхождение во взглядах между ведущими российскими цивилистами как нельзя лучше демонстрирует неоднозначность рассматриваемой категории и ее дискуссионный характер. В контексте вышеупомянутых различий в подходах к пониманию категории добросовестности необходимым является обращение к позиции И. Б. Новицкого. Она крайне примечательна тем, что в ней впервые в цивилистике были затронуты концепции объективной и субъективной добросовестности, которые в совокупности составляют существо единой категории добросовестности и представляют собой ее проявления.

И. Б. Новицкий считал, что добросовестность с объективной точки зрения является внешним мерилем, которое принимается во внимание законом и судом, рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимоотношениях и состоит из знания об интересах контрагента; доброжелательности по отношению к нему; элемента доверия и уверенности, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении¹³. Объективная добросовестность, по мнению И. Б. Новицкого, является неким неимперативным регулятором, главной целью которого является обеспечение соблюдения интересов всех участников гражданских правоотношений. Следовательно, категория объективной добросовестности находит свое отражение в принципе добросовестности, закрепленном в п. 3 ст. 1 ГК РФ, а также в толковании данного принципа Пленумом Верховного Суда РФ. Кроме того, объективная добросовестность отражена и в подходе, предложенном Е. Е. Богдановой, однако лишь отчасти, поскольку, как было упомянуто ранее, нравственная составляющая является лишь одним из элементов категории объективной добросовестности.

Субъективная добросовестность может быть обозначена как определенное сознание лица, проявляющееся в неведении им некоторых обстоятельств, с которыми закон связывает юридические последствия. Соответственно, осведомленность лица об этих обстоятельствах делает его поведение недобросовестным. В отличие от объективной добросовестности, субъективная не выступает регулятором общественных отношений: ее роль заключается в том, что она позволяет поставить в зависимость от знания или незнания лицом определенных фактов наступление правовых последствий, указанных в законе. В таком значении категория добросовестности используется в ст. 234 и ст. 302 ГК РФ, а также в других положениях кодекса, в соответствии с которыми добросовестность поведения лица определяется с точки зрения его неосведомленности о тех или иных фактах. Именно категория субъективной добросовестности находит свое проявление в рассмотренном ранее подходе Е. А. Суханова.

Концепция И. Б. Новицкого объединяет разные подходы к пониманию сущности категории добросовестности. Она рассматривает их с точки зрения различных проявлений одной категории. При этом подобное разделение добросовестности на объективную и субъективную никак не нарушает ее целостность, поскольку является необходимым в контексте отсутствия единого понимания сущности данной категории. Подход, предложенный И. Б. Новицким позволяет компенсировать такое отсутствие и способствует более правильному толкованию и более четкой трактовке категории добросовестности при учете ее двойственной природы, выраженной в концепциях объективной и субъективной добросовестности.

Такой гибкий подход является наиболее релевантным в отношении добросовестного поведения: не стоит абсолютизировать его содержание ни в одну из вышеуказанных сторон. Отрицать нравственную составляющую категории добросовестности было бы некорректно ввиду самой природы данной категории. При этом не следует и полностью отождествлять ее лишь с правилами морали, поскольку, действительно, существуют предусмотренные ГК РФ ситуации, в которых добросовестность выступает категорией «этически безразличной» (например, ст. 234 и ст. 302 ГК РФ). Именно такой подход к определению добросовестности поведения лица может позволить

¹³ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. Т. 6. С. 124–181.

полностью отразить сущность рассматриваемой категории, а также формы и способы ее использования в практике правоприменения.

Очевидно, что законодатель всецело разделяет подобный подход, закрепляя в ГК РФ категорию добросовестности и в качестве общего начала гражданского законодательства, и в качестве субъективного состояния лица, не осведомленного о фактах, с которыми закон связывает какие-либо правовые последствия (например, добросовестный приобретатель). По нашему мнению, такой подход законодателя четко определяет существование категорий объективной и субъективной добросовестности не только с доктринальной, но и с легальной точки зрения. Это позволяет сформулировать вывод о том, что гибкий подход поистине является безошибочным по отношению к рассматриваемой категории ввиду ее двойственного характера.

В современном гражданском праве Российской Федерации категория добросовестности характеризуется неоднозначностью и существованием многих подходов к пониманию ее сущности. Однако, по нашему мнению, именно И. Б. Новицкому удалось наиболее полно раскрыть содержание рассматриваемой категории посредством разделения ее на добросовестность объективную и субъективную. Необходимо упомянуть, что законодатель разделяет подобный подход, закрепляя в гражданском законодательстве категорию добросовестности в обоих озвученных проявлениях. Таким образом, И. Б. Новицкому удалось сформулировать наиболее комплексный и в то же гибкий подход к пониманию сущности категории добросовестности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и судебное усмотрение // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2012. — № 1. — С. 14–17.
2. Заманов З. В. Bona fides: правовая природа и актуальные вопросы // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 7. — С. 152–172.
3. Исаев И. А. Непроявленный язык закона // Lex russica (Русский закон). — 2006. — № 1. — С. 7–25.
4. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — Т. 6. — С. 124–181.
5. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2011. — 958 с.
6. Румянцева В. Г. К вопросу о творческой силе юриспруденции // Российское право онлайн. — 2021. — № 4. — С. 73–76.
7. Смышляев А. Л. Ius antiquum // Древнее право. — 2008. — № 2 (22). — С. 76–95.

REFERENCES

1. Bogdanova EE. The principle of good faith and judicial discretion. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2012;1:14-17. (In Russ.).
2. Zamanov ZV. Bona fides: the legal nature and topical issues. *Voprosy rossijskoj justitsii*. 2020;7:152-172. (In Russ.).
3. Isaev IA. The unmanifested language of the law. *Lex russica*. 2006;1:7-25. (In Russ.).
4. Novitsky IB. The principle of good conscience in the draft law of obligations. *Civil Law Herald*. 2006;1(6):124-181. (In Russ.).
5. Sukhanov EA. *Russian civil law*. Textbook. In 2 vol. Vol. 1: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual property rights. Personal non-property rights. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).
6. Rumyantseva VG. On the question of the creative power of jurisprudence. *Russian Law Online*. 2021;4:73-76. (In Russ.).
7. Smyshlyayev AL. Ius antiquum. *Ancient Law*. 2008;2(22):76-95. (In Russ.).